

Михаил Ульянов

НАШИ актерские музы почти ни в чем не соприкасаются. Скорее даже противоположны друг другу. Но думаю, что не ошибусь, если скажу, что у нас с Аркадием Исааковичем Райкиным одна и та же задача в искусстве. Его талант мне кажется очень близким и дорогим.

Накануне шестидесятилетия этого замечательного артиста мне хочется от души поздравить его, пожелать ему много лет радовать нас, зрителей, смелой и всегда неожиданной красотой своего дарования.

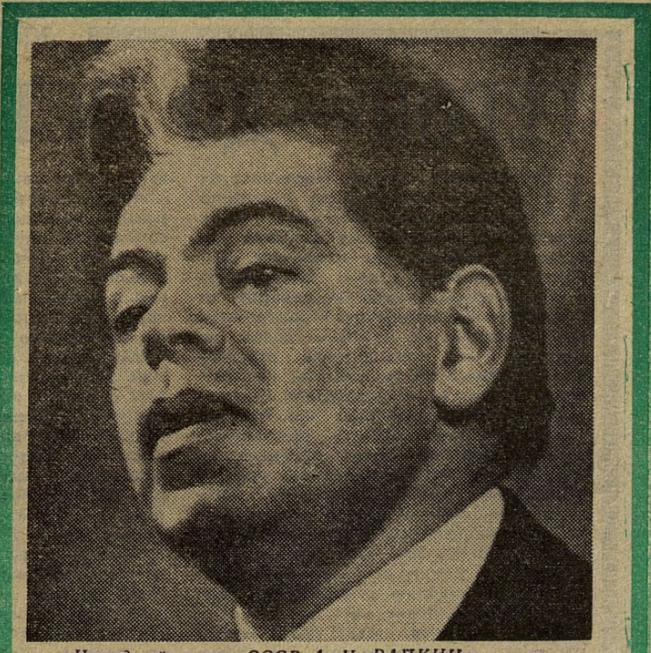
Мне нередко приходилось выступать с Райкиным в одном концерте, и я, только увидев его в артистической, забывал о своем выступлении и с нетерпением ждал его выхода на сцену, забывал, что я тоже артист, и становился прежде всего зрителем. Вот почему сегодня мне хочется говорить об искусстве Райкина от имени

несколько минут под песенку с рефреном: «Счастье, счастье ждет нас впереди» — избразить всю человеческую жизнь, от юношеских мечтаний до глубоких разочарований людей, которые счастье ищут в чем-то второстепенном, несущественном. Он может, пройдясь по диагонали через сцену, за одну-две минуты продемонстрировать походки самых разных людей, от школьника, убегающего с урока, до смелого человека, идущего навстречу урагану. И все это без всякого текста, «оперируя одной походкой». А какое выразительное у него лицо! Это лицо само по себе становится сценической площадкой, полем сражения разных человеческих типов.

Этот удивительный артист использует абсурдные ситуации, они являются для него сюжетной канвой, сценическим ходом, главным ключом в котором оказывается смех. Смех — его оружие, он пользуется им в любом сюжете — от неуклюжих нелепостей,

пугав не просто повторяет чужие слова, он их «творчески преобразует», приспособливает к себе. В миниатюре «Наглость» придуман прекрасный сценический ход: «Герой» прислушивается к радио и выхватывает фразы из «последних известий». Скомпонованная таким образом речь звучит примерно так: «Первый угол уже отпавлен, ... а вы в это время выпиваете!», «Ленинградские футболисты проигрывают, ... а ты в это время позволяешь себе...» и т. д.

Персонаж Райкина с фамилией Попугаев (или Балалайкин! Или Пантюхов!) многолик и разнообразен. Но он узнаваем. Это человек, оперирующий «общими местами», способный сплести любой честный поступок, унижить человеческое достоинство, усомниться в справедливости и порядочности. У него есть оружие — демагогия, приспособленчество. К подобным типам артист беспощаден. Он словно говорит: я тебя и в прошлый раз высме-

Народный артист СССР А. И. РАЙКИН.
Фото Ю. ЗЕНКОВИЧА

Михаил УЛЬЯНОВ, народный артист СССР, лауреат Ленинской премии

ИСКУССТВО КОРОТКИХ УДАРОВ

профиль артиста

стница славы». И Райкин завершает ее словами: «Поднимаясь по общественной лестнице, следует думать о скромности и простоте, сердечности и внимании. Этому учат нас примеры лучших людей нашего времени, которые, достигнув вершины славы, мыслями и делами своими всегда с народом». Возле смешных и глупых людей Райкин всегда находит умных и добрых. Иногда он исполняет сценки, где прямо выводит положительного героя. Таков участковый врач, который, несмотря на позднее время, преклонный возраст, усталость, все снова и снова поднимается по лестницам, звонит в дверь и приносит людям облегчение и помощь. Или директор, спокойно и уверенно управляющий огромным современным комбинатом.

его огромной аудитории, глядя на превращения и перелопачивания артиста с другой стороны подмостков, из зала.

Когда бываешь на спектаклях Аркадия Райкина, уже через пять минут смеешься до слез, до колик, а через пятнадцать начинает казаться, что не хватит сил досмеяться до конца представления.

Вы, наверно, хорошо помните сценку, где Райкин предстает один в двух лицах, ведет диалог за Высокого и Маленького и попеременно смотрит то снизу вверх, то сверху вниз. Уморительно смешны эти две разные физиономии, повадки, улыбки, интонации!

Очень часто, насмеявшись досыта на спектакле Аркадия Райкина, в конце все-таки хочется сказать: «Не смешно!» Помните, так говорит один из скептических персонажей этого необычного магга смеха. Но нам, зрителям, хочется это сказать не из скептицизма вовсе, а потому, что перед нами предстали хамы и пошляки всех мастей: невежды, болтуны, не умеющие и не желающие работать, демагоги и очковиратели, бесконечно самоутверждающиеся и презирающие «тех», «других». Не смешно! Однако Аркадию Райкину можно смеяться. У него искусство такое! Его искусство заставляет о многом подумать серьезно. И говорить о нем хочется серьезно.

Аркадий Райкин может за

когда посетитель столовой са-мообслуживания должен все для себя сделать сам, даже жалобу на себя написать, до страшного бюрократического «парадокса», когда человек просит выдать ему справку о том, что ему нужна справка, ибо «в ей (в бумажке) вся сила!».

Аркадий Райкин иногда пользуется маской или некоторыми деталями декораций и бутафории. Но все это третьестепенно. Зато мимика, речь, жесты — главная «одежда» и «грим» этого сатирика. Речь особенно важна и служит его персонажу дурачью службу — он саморазоблачается, сам на себя «саржи» делает.

Шаржи Райкина бичуют молчаливых, лентяев, хамов. Вспомните хотя бы миниатюру «Невероятная история». Аркадий Райкин исполняет здесь две роли: профессора, который решил подарить свою библиотеку учреждению, и представителя этого учреждения, уполномоченно-го принять этот дар. Он именно уполномочен, наделен свыше властью принять или не принять, может усомниться в честности профессора и его добрых намерениях. «Представитель» подозрителен. А как же! Мало ли что хотят ему подсунуть! Вообще этот персонаж носит забавную и в то же время многоговорящую фамилию — Попугаев. Он повторяет прописные истины. Он ими жив, вне их — он ничто. Но По-

пугаев ты эдакий, а ты все жив, ты все мечтаешь в век прогресса и прогрессивки иметь на свой кусок хлеба чужой кусок масла, ты все стремишься «вкляпывать» и хапать, убежденный, что все можно сделать за деньги, конечно, «свой, трудовые». И каждому недоброльному тобой хочешь закрыть рот.

Часто, показав такого самоутверждающегося наглого невежду, Райкин заканчивает сценку улыбкой — от себя и от автора: нам не страшны такие типы, мы их разоблачаем, высмеиваем, ставим на место.

Нередко Аркадий Райкин выступает с партнерами. Это прекрасные артисты. Все вместе они составили замечательную театральную труппу. Без них не было бы театра, широко известного в Ленинграде и в других городах страны, — Театра миниатюр. Но сейчас я хочу сказать о мономиниатюрах Райкина, где он выступает без всяких партнеров и тем не менее — это целый ансамбль. В течение двух-трех минут он создает на сцене атмосферу присутствия и взаимодействия сразу пяти-шести человек.

Вот во дворе ребятишки играют в футбол. Мы их не видим, конечно, двор и дворовые футболисты — это мы, зрители. А на нас смотрят из окон большого дома самые разные люди: больничник переживает вон за того

рыжого, что в пятом ряду партера; а вот папочка, которому нужно заманить сына домой, и он занскивает перед ним и униженно уговаривает; ну, а это учительница, испуганно глядящая на своих распалившихся учеников... Сколько их, этих соседей по дому, — все разные, все не похожие друг на друга — и все созданы одним артистом здесь же, на наших глазах.

Любой актер должен черпать поддержку у зрителей, ощущать их присутствие и реакцию. Но Райкин словно разговаривает с каждым зрителем в отдельности, как бы ловит реплики из зала и отвечает на них. Создается ощущение «разговора через рампу». Искусство Райкина импровизационно по форме, и в этом кроется эффект непосредственного общения, экспромта.

Жанр эстрадного фельетона, маленькой штриховой зарисовки, который избрал артист для своего искусства, когда-то был назван Всеволодом Вишневским «искусством коротких ударов». Такие короткие удары наносит Райкин всем вредным явлениям, но делает это весело, непри-нужденно, подчас с лирически мягкой и доброй улыбкой человека, который любит людей и не только указывает на их недостатки, но и прямо называет тот положительный идеал, который стоит за его умной, веселой сатирой. Так, в спектакле «Светофор» есть миниатюра «Ле-

Но главный положительный образ Аркадия Райкина — это он сам, вернее, его отношение к изображаемому и играемому. В спектакле «Любовь и три апельсина» артист исполняет четыре роли. Одна из них — Труффальдино. Он символизирует тот внутренний заряд, который всегда присутствует и в других программах Райкина, во всех его скетчах и фельетонах. Это справедливый добряк, наделенный чувством юмора, весело, с открытым забралом смотрящий на мир и воскресающий всегда, чтобы ободрить человека, вселить в него радость и надежду. Труффальдино окрашивает искусство Райкина лиризмом и глубокой верой в человека...

Да, Райкин снова выйдет на сцену, снова будет выступать перед зрителями. А потом уйдет в артистическую, ляжет на кушетку. Он устал; ни на минуту не уходил за ширму, чтобы сменить маску и костюм — он делал это почти на наших глазах в бешеном, «современном» темпе. Он ушел только сейчас, после напряженной работы на сцене, после пятикратного выхода на аллоидменты. Он отдыхает.

Этот артист — необычайный талант. А всякий крупный талант — достойное народа. И Аркадий Райкин всем своим большим и редким дарованием в каждом спектакле или концертном выступлении служит народу, борясь против того, что нам мешает.